

Экономика и институты

ЭМПИРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СРАВНЕНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ ПОРЯДКОВ

Андреева Анна Александровна¹
*Студент магистратуры
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Экономический факультет
(г. Москва, Россия)*

Ионкина Карина Александровна²
*Студент магистратуры
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Экономический факультет
(г. Москва, Россия)*

Санишвили Тамрико Тамазиевна³
*Студент магистратуры
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Экономический факультет
(г. Москва, Россия)*

Аннотация

В данной статье представлены результаты эмпирического исследования характеристик социальных порядков ограниченного и открытого доступа по Д. Норту, Дж. Уоллису и Б. Вайнгасту. В первой части работы выделены основные черты каждого типа социальных порядков и проведен их сравнительный анализ на основе пороговых условий. Также рассмотрена связь между теориями социальных порядков и институтов по Д. Асемоглу и Дж. Робинсона и представлен краткий обзор исследований, развивающих идеи Д.Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста. Во второй части статьи проведено эмпирическое исследование социальных порядков с помощью кластерного анализа международных индексов, которые использовались в качестве прокси для характеристик социальных порядков. В результате была осуществлена классификация стран и выявлены те, что удовлетворяют пороговым условиям перехода к порядку открытого доступа.

---

¹ Андреева А. А., e-mail: anna_a_andreeva@mail.ru

² Ионкина К. А., e-mail: k.ionkina757@gmail.com

³ Санишвили Т. Т., e-mail: tamriko_s@mail.ru

Ключевые слова: институты, социальные порядки, порядок ограниченного доступа, порядок открытого доступа, международные индексы, кластерный анализ.

JEL коды: B52, D02, O10, O57.

Введение

Подход к анализу социально-экономических и политических явлений, представленный в книге Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста “Насилие и социальные порядки” является уникальным и представляет особый интерес для современных экономистов по нескольким причинам.

Во-первых, этот подход позволяет переосмыслить взаимосвязи между политическими, экономическими и социальными явлениями. В перспективе разработки Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста могут способствовать переосмыслению и трансформации взглядов на традиционные проблемы экономики за счет включения новых факторов, таких как решение проблемы применения насилия и создание института государства.

Во-вторых, их работа позволяет иначе посмотреть на вопрос неоднородности развития разных стран и на следующую из этого дискуссию по проблеме переноса норм из одной институциональной среды в другую: почему институты, перенесенные из более богатых стран, не работают или, наоборот, приносят вред в более бедных странах.

В-третьих, работа Д. Норта и его коллег имеет особую актуальность для современной России как страны с порядком ограниченного доступа, из чего следует направленность реформ на рыночные и демократические преобразования. Подобная ориентированность, в свою очередь, объясняется тем, что процесс модернизации экономики сегодня обозначает переход к новому общественному устройству, а именно достижение уровня развитых государств Запада и передовых государств Востока, которые сумели, не потеряв национальной самобытности, воспринять успешно работающие западные институты⁴. С другой стороны, демократизация тоже не панацея, так, В. Полтерович и В. Попов показали, что демократия может быть эффективным стимулом экономического роста только в странах с хорошим качеством институтов (низкая коррупция, высокий уровень правопорядка и инвестиционного климата), иначе неопределенность, возникающая при слабости институтов, тормозит экономический рост и усложняет дальнейшее институциональное строительство⁵.

Работа Д. Норта с соавторами быстро стала популярной среди зарубежных экономистов. Так, авторы некоторых работ пытаются расширить понимание порядка ограниченного доступа, рассматривая стимулы членов различных организаций, а также процесс их исторического развития⁶. Зарубежные исследователи также активно разрабатывают вопросы, связанные с порядками открытого доступа, в том числе на еще

---

⁴ См. подробнее: Плискевич (2013).

⁵ См. подробнее: Полтерович, Попов (2007).

⁶ См. подробнее: Van Bavel et al. (2017).

более глубинном уровне рассматривается роль насилия в развитии стран⁷, а также устойчивость порядков открытого доступа⁸.

Несмотря на перспективность подхода Д. Норта, Дж. Уоллиса, Б. Вайнгаста к анализу экономической действительности, он пока недостаточно разработан в научной литературе. Одна из причин этого, отмечаемая в обсуждении к книге Д. Норта и соавторов, – это сложность операционализации выявленных элементов⁹. Поэтому эмпирические исследования с применением рассматриваемого подхода являются актуальными.

В данной статье мы предпринимаем попытку количественного исследования характеристик пороговых условий для перехода от порядка ограниченного доступа к порядку открытого доступа, находясь в концептуальных рамках, предложенных Д. Нортом, Дж. Уоллисом и Б. Вайнгастом.

Наша работа направлена на эмпирическую оценку основных характеристик порядков ограниченного и открытого доступа в разных странах. Для этого мы предлагаем эмпирические показатели, характеризующие выявленные критерии, для сравнения порядков, а также проводим классификацию стран на основе выделенных показателей.

В статье мы используем показатели международных рейтингов, отражающие пороговые условия для перехода стран от ограниченного доступа к открытому, а также осуществляем классификацию стран с использованием кластерного анализа на основе этих показателей. Поэтому, представленная работа может внести некоторый вклад в пока еще относительно небольшой объем исследований, основанных на подходе Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста.

Данная работа состоит из двух частей. Сначала приведены сравнительный анализ порядков ограниченного и открытого доступа, а также краткое сопоставление характеристик социальных порядков с институтами, а также обзор исследований, развивающих основные идеи Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста. Затем представлен межстрановой кластерный анализ порядков ограниченного и открытого доступа на основе международных рейтингов.

Характеристики порядков ограниченного и открытого доступа

В данном разделе представлен краткий обзор литературы – в первую очередь классической работы Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста, а также других работ, развивающих ее основные идеи.

Согласно работе Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста¹⁰ в порядках ограниченного доступа (естественных государствах) противодействие широкому распространению насилия происходит посредством создания господствующей коалиции, участники которой (элиты) обязуются соблюдать права собственности и не препятствовать доступу к некоторым видам деятельности в обмен на прекращение борьбы за получение ренты. Так как насилие приводит

---

⁷ См. подробнее: Gray (2016).

⁸ См. подробнее: Hesse (2015).

⁹ См. подробнее: Расков (2012).

¹⁰ Норт, Уоллис, Вайнгаст (2011).

к снижению ренты, присваиваемой элитами, то у них появляются сильные стимулы для того, чтобы ограничивать насилие в отношении других элит. Следовательно, манипуляции экономикой становятся инструментом для поддержания порядка в политической системе. Важной привилегией, которой обладают элиты в естественных государствах, является возможность создания организаций, которые поддерживаются государством; эти организации являются источником ренты, получаемой элитами. В естественных государствах внешние и внутренние шоки могут повлиять на распределение потенциала насилия между элитами, что в свою очередь может в итоге привести к изменениям в составе господствующей коалиции. Наконец, следует отметить, что исторически естественные государства сильно различаются между собой и делятся на хрупкие, базисные и зрелые¹¹.

В рамках порядков открытого доступа государство имеет монополию на контроль над осуществлением насилия посредством его консолидации, то есть насилие находится под контролем политической системы. При этом господствующая политическая партия контролируется со стороны большого числа людей, обладающих обширными экономическими интересами. Существование открытого доступа к экономической системе и легализованная возможность смены власти позволяют избежать злоупотребления насилием со стороны тех, кто его контролирует. В данном случае большое значение имеют институты, которые способствуют созданию достоверных обязательств по ограничению применения насилия¹².

В рамках порядков открытого доступа важную роль играет способность любого члена общества создавать организации без разрешения государства, что позволяет обеспечивать конкуренцию в экономической и политической сферах. Контроль над применением насилия обеспечивается наличием возможности открыто конкурировать за политическое влияние, препятствуя его неправомерному применению. Также большую роль играет безличность формирования организаций, которая заключается в одинаковом отношении ко всем членам общества. В рамках порядков открытого доступа отдельные группы людей также могут стремиться к присвоению ренты, однако конкуренция в разных сферах жизни общества приводит к тому, что происходит так называемая эрозия ренты¹³. Этот процесс, происходящий в рамках порядков открытого доступа, Й. Шумпетер назвал «созидательным разрушением»¹⁴. В случае с порядком открытого доступа также можно увидеть существование системы двойного баланса, когда открытый доступ к созданию организаций в экономической сфере способствует поддержанию открытого доступа в политике и наоборот.

Для сравнения порядков в работе Д. Норта используются так называемые «пороговые условия», а также характеристики социальных порядков, представленные в той же работе. Пороговые условия – это три различные характеристики государств, которые способствуют созданию и поддержанию обезличенных отношений, что в свою очередь может привести к появлению стимулов для открытого доступа в экономической, а также политической

¹¹ См. подробнее: Норт, Уоллис, Вайнгаст (2011), с. 119–140.

¹² См. подробнее: Норт, Уоллис, Вайнгаст (2011), с. 70.

¹³ См. подробнее: Норт, Уоллис, Вайнгаст (2011), с. 71–72.

¹⁴ См. подробнее: Шумпетер (1995).

сферах¹⁵. Исторически пороговые условия накладывались одно на другое, а для появления порядка открытого доступа необходимо сосуществование всех трех условий.

Д. Норт с соавторами выделяют следующие пороговые условия:

1. *Верховенство права для элит*. Права собственности и правовые системы в рамках порядка ограниченного доступа формируются во многом за счет привилегий, которыми обладают элиты, входящие в состав господствующей коалиции¹⁶. В случае, если достигается верховенство права, существующие нормы права одинаково беспристрастно применяются как к элитам, так и к остальным гражданам.

2. *Наличие организаций, действующих бессрочно*¹⁷. Бессрочность означает независимость жизни организации от жизни отдельных людей, входящих в нее. Примером подобной организации является корпорация, которая будет существовать даже после ухода ее основателей. Следует отметить, что организации могут быть любые, в том числе государство.

3. *Консолидированный контроль над вооруженными силами*¹⁸. Консолидация контроля над вооруженными силами предполагает несколько условий: существование организации, осуществляющей контроль над насилием; определенный набор правил, которые должны регулировать порядок применения насилия в отношении отдельных лиц или групп; насильственное получение одной группой контроля над насилием не является условием, необходимым для перехода от порядка ограниченного доступа к порядку открытого доступа.

В литературе¹⁹ можно встретить еще одну ключевую сравнительную характеристику, которая также помогает разделять порядки ограниченного и открытого доступа. Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вайнгаст выделяют свободу входа для организаций в различные сферы жизни общества, в первую очередь – в экономику²⁰, как еще одну отличительную черту порядка открытого доступа.

Подход Д. Асемоглу и Дж. Робинсона к анализу экономического развития во многом схож с подходом Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста, особенно ярко это проявляется, если рассмотреть взаимосвязь между социальными порядками и характеристиками институтов. В работах Д. Асемоглу и Дж. Робинсона от качества политических институтов зависит, как будут формироваться экономические институты: создание эффективных институтов, способствующих росту, или появление неэффективных экономических институтов, которые ориентированы на извлечение ренты²¹. И наоборот, согласно Д. Асемоглу и Дж. Робинсона хорошие политические институты способны поддержать долгосрочный рост и стабильность экономики. Согласно Д. Асемоглу и Дж. Робинсону экономические институты можно разделить на экстрактивные и инклюзивные²², основа для инклюзивных институтов – это

¹⁵ См. подробнее Норт, Уоллис, Вайнгаст (2011), с. 265

¹⁶ См. подробнее Норт, Уоллис, Вайнгаст (2011), с. 265

¹⁷ См. подробнее Норт, Уоллис, Вайнгаст (2011), с. 265

¹⁸ См. подробнее Норт, Уоллис, Вайнгаст (2011), с. 295

¹⁹ См. подробнее Шаститко (2012)

²⁰ См. подробнее Норт, Уоллис, Вайнгаст (2011), с. 212

²¹ См. подробнее Acemoglu, Johnson, Robinson (2001)

²² См. подробнее Acemoglu, Robinson (2012)

способность гарантировать права собственности, что в свою очередь способствует росту инвестиций и производительности экономики. Таким образом, происходит постепенное формирование инклюзивных рынков, в рамках которых есть возможность свободно создавать экономические организации²³. Эта характеристика хорошо согласуется с такой выделенной чертой социального порядка открытого доступа, как наличие свободы входа для организаций в экономическую сферу. Экстрактивные экономические институты ориентированы на изъятие доходов у населения в пользу отдельных групп интересов, что, в свою очередь, соотносится с характеристиками порядка ограниченного доступа. Политические институты также могут иметь экстрактивный или инклюзивный характер. Экстрактивные политические институты формируют экстрактивные экономические институты, а устойчивость последних зависит от характера политических институтов.

Подходы Д. Норта, Дж. Уоллиса, Б. Вайнгаста и Д. Асемоглу и Дж. Робинсона во многом похожи. В каждой из этих работ большое значение имеют институты. Однако концепция Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста дает более широкие возможности для анализа институциональных изменений, а особенно – импорта институтов²⁴. Ценность идей Норта с соавторами заключается также и в том, что их концепция позволяет объяснить процесс перехода от ограниченного к открытому доступу в конкретном случае. В свою очередь, теория экстрактивных и инклюзивных институтов, предложенная Д. Асемоглу и Дж. Робинсоном, пока является более подходящей для эмпирических исследований, так как подобрать прокси для качества институтов или даже естественный эксперимент²⁵ иногда несколько проще, чем для пороговых условий. Некоторое обобщение подходов может способствовать выявлению проблем, связанных с реализацией экономической политики в порядках ограниченного доступа. Такой подход может объяснить, почему потенциально успешные экономические реформы терпят неудачу, а реформаторы проигрывают политическую борьбу.

К настоящему времени появился пласт работ, развивающих идеи Д. Норта с соавторами, в том числе в некоторых из них сделаны попытки использовать концепцию социальных порядков для объяснения конкретных связей между экономикой и политикой. Так, в статье (Van Bavel et al., 2016) рассматриваются несколько вопросов, навеянных классической работой Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста²⁶. Во-первых, автор рассматривает стимулы людей, специализирующихся на применении насилия и показывает, что уровень производства является значимым фактором, оказывающим влияние на их стимулы. Во-вторых, автор добивается более глубокого понимания того, каким образом разные типы экономических и политических организаций могут влиять на производство, накопление богатства и величину ренты. В статье показано, что для понимания и последующего применения подхода Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста в порядках ограниченного доступа важно рассматривать не только те организации, которые созданы элитой, но и те, которые создаются людьми, не входящими в господствующую коалицию и не претендующими на это. Таким образом, автор расширяет понимание взаимосвязей между экономической и политической сферами жизни общества, а также механизм перехода между

²³ См. подробнее: Acemoglu, Robinson (2012); Заостровцев (2014).

²⁴ См. подробнее: Полтерович (2001).

²⁵ См. подробнее: Dell (2010).

²⁶ См. подробнее: Van Bavel et al. (2016).

социальными порядками. Связь между политической и экономической сферой и механизмы их влияния друг на друга обсуждаются в работе (Grabowski, 2017)²⁷. На примере Филиппин и Индонезии показано, что появление элементов демократии (выборов, политических партий) приводит к увеличению поддержки сельского хозяйства, что, в свою очередь, может привести к деиндустриализации экономики в порядках ограниченного доступа.

Попытка количественно оценить справедливость подхода Д. Норта с соавторами, представлена в работе²⁸ (Chaney, 2013). В первую очередь в работе на исторических данных показано, что в периоды стихийных бедствий, и, как следствие, экономического спада, вероятность восстания против действующей политической элиты в Египте увеличивалась. Автор также обнаруживает отрицательную причинно-следственную связь между экзогенными шоками (наводнениями из-за разлива Нила) и вероятностью смещения религиозного авторитета в Египте (главного судьи), с использованием столетних данных о наводнениях. Также в статье показано, что стихийные бедствия приводили к укреплению политической власти главного судьи по сравнению со светскими правителями, что согласуется с логикой Д. Норта с соавторами относительно неустойчивого положения элит в порядках ограниченного доступа, когда под воздействием экзогенного шока может происходить изменение баланса политических сил. Также есть некоторое количество работ, в которых предположение Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста об устойчивости порядка открытого доступа подвергается сомнению. Так, в работе (Hesse, 2015) на примере Германии показано, что основные идеи Д. Норта с соавторами о постепенном и последовательном переходе к порядку открытого доступа могут не согласовываться с историческими фактами²⁹. Так, автор показывает, что несмотря на то, что западная Германия достигла порядка открытого доступа в 1960-х гг., нацистский период в ее истории не укладывается в рамки общей логики Дж. Норта, что свидетельствует об ограниченности подхода. Также авторы подвергают сомнению устойчивость сложившегося в Германии к настоящему времени порядка открытого доступа, что также расходится с идеями Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста. Д. Норт, Дж. Уоллис, Б. Вайнгаст и с.Уэбб также используют подход, представленный в классической работе для объяснения изменений, происходящих в современных развивающихся странах. В работе (North et al., 2013) на примере отдельных стран рассматриваются четыре аспекта, отвечающие за переход от обществ с ограниченным доступом к обществам открытого доступа: рента и рыночные ограничения, организации, институт выборов и демократия, а также организации, обладающие способностью к осуществлению насилия³⁰.

Появление классической работы Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста привело к тому, что некоторые исследователи начали по-другому смотреть на разные вопросы, связанные с экономической политикой в развивающихся странах. Так, Хейзел Грей делает попытку переосмыслить существующие подходы к проведению политики экономического развития (development policy) с помощью идей Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста. Автор показывает, что работы Норта с соавторами позволяют пересмотреть некоторые важные элементы парадигмы надлежащего управления, а также то, что идеи Д. Норта во многом

²⁷ См. подробнее: Grabowski (2017).

²⁸ См. подробнее: Chaney (2013).

²⁹ См. подробнее: Hesse (2015).

³⁰ См. подробнее: North et al. (2013).

являются отображением изменений в понимании механизмов развития, например, появление связки развитие-безопасность. Также в статье показано, какое место подход Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста занимает в настоящее время среди других подходов к экономическому развитию разных стран, а также ограничения, с которыми можно столкнуться при использовании идей Д. Норта в рамках действующей политики. В статье (Шаститко, 2012) поставлен вопрос о том, может ли в порядках ограниченного доступа эффективно работать антимонопольная политика, сформировавшаяся в порядках открытого доступа, или же будет наблюдаться несоответствие в работе одних и тех же институтов в зависимости от странового контекста³¹.

Таким образом, есть достаточно много исследований, в которых с разных сторон обсуждаются идеи, представленные в работе Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста. Некоторые из этих работ способствуют лучшему пониманию механизма перехода внутри порядка ограниченного доступа, а также между социальными порядками; также отмечены некоторые несовершенства классической работы. В других работах подход Д. Норта с соавторами используется для переосмысления существующих мер экономической политики.

Эмпирическая оценка различий между социальными порядками ограниченного и открытого доступа

В данной части, исходя из проведенного выше теоретического сравнения пороговых условий перехода от порядка ограниченного доступа к открытому, мы предлагаем показатели из международных рейтингов, характеризующие каждое условие и проводим их кластерный анализ.

Попытка установить, в каких странах выполняются условия перехода от одного социального порядка к другому осуществляется с помощью анализа данных по странам из нескольких международных баз данных: «The World Justice Project», «The Worldwide Governance Indicators», «The Fragile States Index», «Doing Business». Базы и непосредственно показатели были отобраны на основе изучения содержания и методологии построения индексов на предмет соответствия обозначенным пороговым условиям. Тем не менее, стоит отметить, что абсолютного соответствия между выбранными показателями и характеристиками пороговых условий нет, и они являются прокси-переменными.

Для анализа первого порогового условия – верховенства права – был выбран индекс верховенства права (The Rule of Law Index), который рассчитывается по методике международной неправительственной организации The World Justice Project³². Данные для него в 2016 г. были получены по 113 странам, они опираются на опросы более чем 110 000 домашних хозяйств и 2700 экспертных мнения. Результаты, основанные на столь обширной выборке, позволяют определить оценки исследуемых показателей и построить на их основе рейтинг по уровню развития правовой среды в разных странах по всему миру.

---

³¹ См. подробнее: Шаститко (2012).

³² См. подробнее: WJP Rule of Law Index 2016. URL: <http://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index>

Индекс строится на основе 44 переменных, которые, в свою очередь, формируют восемь основных показателей правовой среды, которые в сумме определяют место страны в рейтинге. Этими показателями являются: ограничение полномочий власти, отсутствие коррупции, открытость институтов власти, защита основных прав, порядок и безопасность, соблюдение закона, гражданское правосудие и уголовное правосудие. Какие-то из них в большей, какие-то в меньшей степени соответствуют рассматриваемому пороговому условию, некоторые, возможно, ближе к другим пороговым условиям (порядок и безопасность), но мы используем совокупный индекс, так как в целом его составляющие достаточно неплохо описывают параметры различия социальных порядков. Верховенство права предполагает одинаковое применение законов, беспристрастное принятие и обязательную силу решений судов. В порядках открытого доступа люди способны воздействовать на действующие элиты, существует меньше возможностей для изъятия ренты.

Индекс верховенства права изменяется в пределах от 0 до 1. Страны, где значение индекса близко к нулю, обеспечивают слабый правопорядок: степень ограничения полномочий представителей власти низка, и они не несут ответственность за свои действия перед законом; высокий уровень коррупции (взятничество, неуместное влияние общественных или частных интересов, незаконное присвоение государственных средств и/или ресурсов); правительство не публикует информацию об основных законах и правах граждан и ограничивает общественное обсуждение политической жизни; низкий показатель защиты основных прав человека (право на жизнь и безопасность, свобода убеждений и их выражения, право на частную жизнь и др.); общество не в состоянии обеспечивать защиту безопасности людей и имущества (преступность, политическое насилие, социальная приемлемость насилия в личных целях); низкая степень соблюдения справедливости и эффективности правил (неуместное влияние общественных или частных интересов, необоснованные задержки в административной процедуре и т.д.); простые люди не могут разрешать свои конфликты спокойно и эффективно через систему гражданского правосудия (недоступность системы правосудия, дискриминация, коррупция и т.д.); неэффективная система уголовного правосудия (несвоевременное расследование и рассмотрение преступлений, пристрастность и дискриминация, коррупция и т.д.). Индекс верховенства права близкий к единице, напротив, показывает, что правопорядок в стране осуществляется эффективно: степень ограничения полномочий представителей власти гарантирует неспособность какого-либо органа или должностного лица осуществлять бесконтрольную власть; низкий уровень коррупции; правительство дает информацию гражданам об их правах и основных законах, что позволяет им использовать это как инструмент для контроля деятельности его самого; высокий показатель защиты основных прав человека; общество может обеспечить защиту безопасности людей и имущества; простые люди имеют возможность на спокойное и эффективное разрешение конфликтов через систему гражданского правосудия; эффективная система уголовного правосудия.

Также мы использовали некоторые данные из базы The Worldwide Governance Indicators³³ (WGI), в которой публикуется информация по шести направлениям, характеризующим государственную деятельность в 200 странах: право голоса и

³³ The Worldwide Governance Indicators project 2016. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi>

подотчетность, политическая стабильность и отсутствие насилия/терроризма, эффективность работы правительства, качество регулирования, верховенство права и контроль коррупции. Эти шесть совокупных показателей основаны на нескольких сотнях отдельных базовых переменных, взятых из 30 различных существующих источников данных (при этом не даются данные по каким-либо субиндексам). Данные отражают результаты опросов домохозяйств, компаний и оценки экспертов из аналитических центров, исследовательских институтов, неправительственных и международных организаций и частных компаний. Все совокупные показатели могут быть представлены двумя способами: (1) в их стандартных единицах, в пределах от -2,5 до 2,5 и (2) в процентах ранга от 0 до 100, при более высоких значениях, соответствующих лучшим результатам государственной деятельности. Шесть индикаторов из WGI полезны при проведении широких межстрановых сопоставлений и оценки общих тенденций с течением времени.

Из этой базы для анализа первого порогового условия мы также включили в исследование показатель верховенства права (Rule of law), который характеризует уровень доверия респондентов к правилам, действующим в обществе, и воспринимаемую степень соблюдения этих правил, в частности, качество исполнения контрактов, соблюдения прав собственности, работы полиции и судов, а также уровень преступности и насилия. Этот показатель не идентичен предыдущему, и порядок стран по нему несколько отличается. Также большее число стран, для которых он рассчитывается, даёт возможность посмотреть на те из них, по которым нет данных The World Justice Project.

Для рассмотрения следующего порогового условия – контроля насилия - были использованы два показателя: политическая стабильность и отсутствие насилия/терроризма (Political Stability and Absence of Violence/Terrorism) и субиндекс, отражающий деятельность органов безопасности (Security Apparatus, SEC), входящий в индекс недееспособности государства (The Fragile State Index). Первый показатель взят из базы WGI, о которой говорилось ранее. Он отражает восприятие респондентами вероятности того, что правительство будет дестабилизировано или свергнуто неконституционным или насильственным путем, включая терроризм. Высокая вероятность указывает на то, что потенциал насилия не консолидирован.

На основе The Fragile States Index³⁴, рассчитываемом The Fund for Peace, строится ежегодный рейтинг 178 стран по уровню их стабильности и устойчивости к вызовам, с которыми они сталкиваются. Индекс даёт возможность оценивать политические риски и предупреждать внутренние конфликты. Опираясь на комплексную методологию социальных наук, данные из трех основных источников проверяются и подвергаются критическому обзору, чтобы получить окончательные оценки для индекса недееспособности государства. Миллионы документов анализируются каждый год, и с применением узкоспециализированных параметров поиска, баллы распределяются для каждой страны на основе двенадцати основных политических, социальных и экономических показателей и более 100 суб-показателей, которые являются результатом многолетнего кропотливого экспертного исследования в области социальных наук. Необходимо понимать, что для

³⁴ The Fragile States Index 2016. URL: <http://fsi.fundforpeace.org/>

индекса недееспособности государств результаты должны интерпретироваться так, что чем ниже балл, тем лучше.

В данном исследовании внимание сконцентрировано на субиндексе, отражающем деятельность органов безопасности (Security Apparatus). В его построение закладывается идея о том, что органы безопасности должны обладать монополией на использование законного принуждения, т.е. контроль насилия должен быть консолидирован. Этот субиндекс включает в себя показатели, касающиеся внутренних конфликтов, распространенности стрелкового оружия, бунтов и протестов, смертности в результате конфликтов, военных переворотов, повстанческой деятельности, взрывов, политзаключенных.

Труднее всего оказалось подобрать показатели для порогового условия бессрочности действия организаций. Нами были взяты индексы из WGI: эффективность работы правительства (Government Effectiveness) и качество регулирования (Regulatory Quality). Эффективность работы правительства показывает восприятие респондентами качества государственных услуг, качества работы государственной службы и уровня ее независимости от политического давления, качества разработки и осуществления политики, достоверности приверженности правительства этой политике. Качество регулирования – восприятие способности правительства распознавать, формулировать и реализовывать рациональную политику, чтобы стимулировать развитие частного сектора. Эти показатели не совсем точно отражают бессрочность существования организаций, но всё-таки могут быть использованы в качестве замещающих переменных, так как для постоянства существования организаций необходимо эффективное правительство, которое бы не зависело от политических лидеров, а также поддерживало бы частные организации и способствовало их бессрочному существованию.

Наконец, мы взяли показатель уровня условий ведения бизнеса (Doing Business³⁵), который тоже можно использовать в качестве замещающей переменной для бессрочного существования организаций (поскольку условия деятельности организаций должны влиять на их возможность стать бессрочными), а также в качестве характеристики для свободы входа организаций на рынок. Этот показатель рассчитывается по методике Всемирного банка и Международной финансовой корпорации и призван дать объективную оценку нормативно-правового регулирования предпринимательской деятельности с целью ее совершенствования, так как системы с прозрачными и эффективными нормами регулирования предпринимательской деятельности обеспечивают доступ к возможностям, которые в меньшей степени обусловлены личными контактами или привилегиями, позволяя сконцентрировать предпринимательскую деятельность в формальном секторе, где надлежащее регулирование и налогообложение.

Показатель уровня условий ведения бизнеса базируется на показателе удаленности от передового рубежа (Overall distance to frontier), с помощью которого строится рейтинг легкости ведения бизнеса. Он принимает значения от 0 до 100 баллов для страны, показывая абсолютное расстояние до лучшего показателя ведения бизнеса, другими словами, 0 баллов – наихудший результат, а сам передовой рубеж – 100 баллов. Уровень легкости ведения

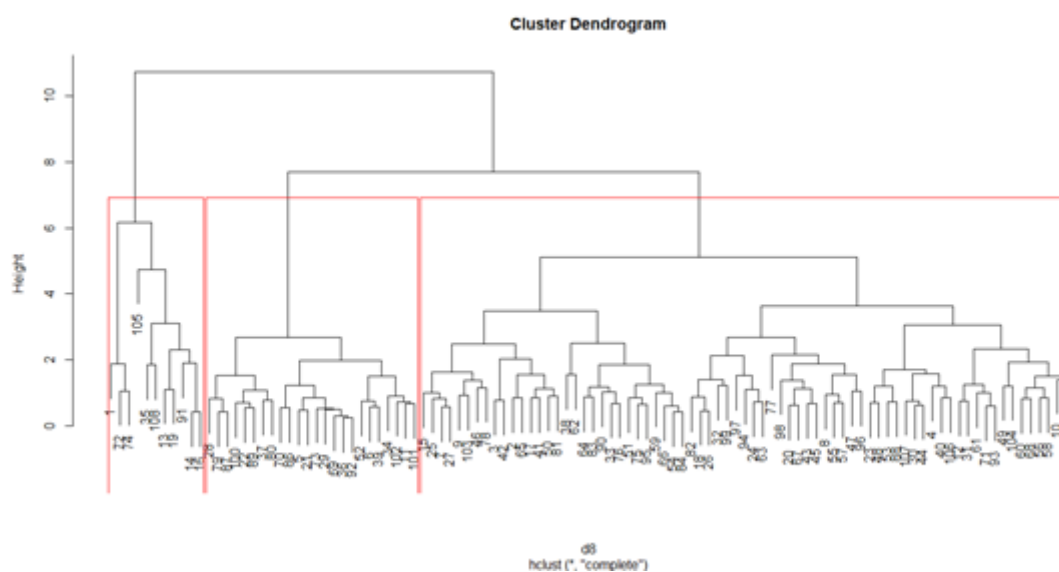
³⁵ Doing Business 2016. URL: <http://www.doingbusiness.org/rankings>

бизнеса определяется как среднее арифметическое значений удаленности от передового рубежа для десяти контрольных индикаторов: регистрации предприятий, получения разрешений на строительство, подключения к системе электроснабжения, регистрации собственности, кредитования, защиты инвесторов, налогообложения, международной торговли, обеспечения исполнения контрактов, ликвидации предприятий.

Чтобы определить, в каких странах выполняются пороговые условия, и разделить страны на потенциальные порядки открытого и ограниченного доступа, мы провели кластерный анализ методом иерархической классификации по выборке из 108 стран, для которых имеются данные по всем указанным ранее показателям. Все данные взяты за 2016 г.³⁶

В качестве переменных, отражающих верховенство права мы взяли The Rule of Law Index из The World Justice Project и Rule of Law из The Worldwide Governance Indicators (WGI) (как уже отмечалось, эти показатели не являются абсолютно идентичными и порядок стран в них не совпадает). В качестве переменных, отражающих бессрочность существования организаций в общественной и частной сферах, были взяты показатели Government Effectiveness и Regulatory Quality из WGI, а также Overall distance to frontier из Doing Business (данный показатель также отражает свободу входа организаций на рынок). В качестве переменных, показывающих консолидированный контроль насилия, используются Political Stability and Absence of Violence/Terrorism из WGI и Security Apparatus из The Fragile State Index. Все переменные взяты с одинаковым весом. Важно отметить, что перечисленные показатели являются, скорее, замещающими переменными, чем точно отображающими пороговые условия.

С помощью кластерного анализа удалось разбить выборку на три³⁷ четко определенных кластера (см. рис. 1).

³⁶ Авторы статьи готовы предоставить первичные данные по запросу.

³⁷ Это оптимальное количество, на что указывают 14 из 27 индексов, используемых для выявления оптимального числа кластеров, при заданных минимальном и максимальном количествах (2 и 15, соответственно) (URL: <https://cran.r-project.org/web/packages/NbClust/NbClust.pdf>).

Рисунок 1. Разбиение стран на 3 кластера, цифрами указаны порядковые номера стран в выборке (см. Приложение 1). Источник: построено авторами.

Нас интересует кластер, в который вошли страны, претендующие на то, чтобы называться странами с порядком открытого доступа (второй на рис. 1). Он включает следующие 24 страны: Австралия, Австрия, Бельгия, Германия, Дания, Испания, Канада, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Объединённые Арабские Эмираты, Португалия, Сингапур, Словения, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты, Финляндия, Франция, Чехия, Чили, Швеция, Эстония, Южная Корея, Япония. Видно, что в этот кластер вошли некоторые “неожиданные” страны. Вероятно, это связано с тем, что выбранные показатели – это прокси для пороговых условий, и не абсолютно точно соответствующие им переменные. К тому же следует отметить, что согласно Д. Норту, Дж. Уоллису и Б. Вайнгасту необходимо выполнение всех трёх пороговых условий, чтобы страна могла перейти к порядку открытого доступа³⁸. Поэтому рассмотрим значения показателей для отдельных стран.

Так, если сравнивать между собой страны, попавшие в кластер, у Чили и Испании относительно низкие значения показателей контроля насилия. Стоит заметить, что во Франции и США также низкий уровень контроля насилия, однако согласно Д. Норту, Дж. Уоллису и Б. Вайнгасту эти страны уже осуществили переход к открытому доступу. У Южной Кореи низкий уровень контроля насилия по показателю *Political Stability and Absence of Violence/Terrorism*, но достаточно высокий по *Security Apparatus*, а Эстония, наоборот, слегка отстаёт по последнему показателю. Словения и Чили немного отстают по показателям бессрочности организаций. По верховенству права также можно видеть некоторое отставание Словении, а самые низкие значения в кластере у Объединённых Арабских Эмиратов. В связи с этим нельзя однозначно утверждать, что в Чили, Испании, Словении и Объединённых Арабских Эмиратах выполняются все пороговые условия, даже если бы выбранные показатели совершенно чётко соответствовали характеристикам пороговых условий. Для более точного ответа необходимо глубже изучить историю этих стран и их институты, что выходит за рамки нашего исследования.

Рассмотрим теперь страны, не вошедшие в выборку для кластерного анализа ввиду нехватки некоторых данных (*The Rule of Law Index* или *Security Apparatus*). Предположим, что если страна удовлетворяет получившимся при кластерном анализе минимальным значениям всех показателей, для которых по ней доступны данные, то она могла бы попасть в кластер, если бы вошла в выборку. Показатели принимали следующие минимальные (для *Security Apparatus* – максимальное) значения в кластере: *The Rule of Law Index* (0,66), *Rule of Law* (0,89), *Government Effectiveness* (1,02), *Regulatory Quality* (0,64), *Overall distance to frontier* (69,56), *Political Stability and Absence of Violence/Terrorism* (-0,06), *Security Apparatus* (3,0). Всем этим значениям удовлетворяют доступные для Гонконга, Ирландии, Исландии и Швейцарии показатели, так что эти страны также можно отнести к потенциальным порядкам открытого доступа. Всего по одному показателю из шести доступных не удовлетворяют минимальным значениям Литва (*Security Apparatus* составляет 3,1) и Люксембург (*Overall distance to frontier* равен 68,81). Ещё несколько стран неплохо себя показывают, но по ним не хватает больше, чем одного индекса, поэтому мы решили их не рассматривать.

³⁸ См. подробнее: Норт, Уоллис, Вайнгаст (2011), с. 266.

Интересно посмотреть, где находятся бывшие союзные республики, удалось ли кому-то из них совершить переход от ограниченного к открытому доступу или, по крайней мере, создать условия для такого перехода. Следует указать, что не для всех республик есть данные по всем выбранным показателям: для Азербайджана, Армении, Латвии, Литвы, Таджикистана и Туркменистана нет данных по The Rule of Law Index, а для последнего нет и по Overall distance to frontier из Doing Business. На основе доступных данных можно сделать вывод, что всем установленным минимальным значениям индексов удовлетворяет только Эстония, а Литва не удовлетворяет всего по одному показателю. Хотя обе страны слегка отстают по Security Apparatus (3,0 в Эстонии, 3,1 в Литве) и по Government Effectiveness значения тоже довольно близкие (1,12 в Эстонии, 1,09 в Литве), но Литва несколько уступает Эстонии по всем показателям кроме Political Stability and Absence of Violence/Terrorism. Поэтому, возможно, Литву можно отнести к странам, удовлетворяющим пороговым условиям перехода к открытому доступу, но это требует дополнительной проверки. Латвия же имеет недостаточный уровень Government Effectiveness (1,00) и отстаёт по показателям контроля насилия (Political Stability and Absence of Violence/Terrorism равен 0,39 и Security Apparatus равен 3,2). Грузия показывает относительно неплохие результаты по сравнению с другими бывшими союзными республиками за исключением указанных трёх, если не считать показателей контроля насилия, особенно Security Apparatus (7,0). У России и Украины наихудшие результаты по контролю насилия. Казахстан обходит Россию по всем показателям.

Подводя итог, согласно нашей методологии, к странам, удовлетворяющим пороговым условиям для перехода к порядку открытого доступа, относятся: Австралия, Австрия, Бельгия, Германия, Гонконг, Дания, Ирландия, Исландия, Канада, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Португалия, Сингапур, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты, Финляндия, Франция, Чехия, Швейцария, Швеция, Южная Корея, Эстония и Япония. В кластер вошли, но вызывают некоторые сомнения Чили, Испания, Словения и Объединённые Арабские Эмираты. Из не вошедших в выборку стран также представляют интерес и потенциально могут удовлетворять пороговым условиям Литва и Люксембург. Остальные страны, по которым имеются данные хотя бы по шести из семи индексов, являются странами с порядком ограниченного доступа.

Тем не менее, стоит отметить некоторые ограничения проведённого анализа, связанные с использованием международных индексов и рейтингов. Во-первых, они охватывают не все страны, поэтому, основываясь только на них, можно упустить из виду потенциальные порядки открытого доступа. В первую очередь из использованных индексов это касается The Rule of Law Index, который рассчитан для 113 стран. Во-вторых, точность и достоверность данных нельзя назвать абсолютной. Часто это экспертные оценки или опросы, поэтому они могут не всегда отражать действительную ситуацию в странах. Возможно, что рейтинги и индексы лишь показывают, насколько страны соотносятся с каким-то эталоном, например, США. Чтобы смягчить эту проблему и проверить робастность результатов, мы провели дополнительно кластерный анализ для 2015, 2014 и 2013 гг. (мы не брали годы, удалённые от 2016 г., т.к. если рассматривать большой период времени, за него в странах могли произойти значительные изменения, и пороговые условия в каких-то из них могли начать выполняться, что отразилось бы на уровнях показателей, также за большой промежуток времени могла существенно измениться методология составления индексов).

Для этих трёх лет страны, попадающие в кластер с потенциальными порядками открытого доступа, были те же, хотя к ним добавлялась Польша. Однако она всегда имела самое низкое значение Government Effectiveness и несколько отставала по верховенству права, что заставляет сомневаться в том, что она действительно удовлетворяет пороговым условиям, но, возможно, ей тоже следует уделить внимание при более глубоком исследовании. Что касается других ограничений нашего анализа, о них будет сказано далее.

Заключение

Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вайнгаст выдвинули концепцию социальных порядков, выделив порядки ограниченного и открытого доступа, таким образом предложив новый подход к анализу связей между экономикой и другими сферами жизни общества.

В данной статье были выявлены общие характеристики порядков ограниченного и открытого доступов. Также выделены следующие критерии (пороговые условия) для сравнения порядков между собой: верховенство права, бессрочность существования организаций, контроль насилия и свобода входа. Выполнение всех этих условий необходимо, чтобы та или иная страна могла быть рассмотрена как страна с порядком открытого доступа. Также в статье показаны основные связи между порядками и характеристиками институтов и представлен краткий обзор исследований, которые развивают основные идеи Норты, Уоллиса и Вайнгаста.

После теоретического сравнительного анализа было проведено эмпирическое исследование с использованием международных индексов. Данные индексы были отобраны соответственно пороговым условиям. С целью выявления потенциальных порядков открытого доступа был проведен кластерный анализ. В результате, к странам, удовлетворяющим пороговым условиям для перехода к порядку открытого доступа были отнесены: Австралия, Австрия, Бельгия, Германия, Гонконг, Дания, Ирландия, Исландия, Канада, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Португалия, Сингапур, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты, Финляндия, Франция, Чехия, Швейцария, Швеция, Южная Корея, Эстония и Япония. В кластер попали также Чили, Испания, Словения и Объединённые Арабские Эмираты (по данным за более ранние годы ещё Польша), которые несколько отстают по каким-то показателям, что заставляет сомневаться в том, что в них действительно выполняются пороговые условия. Из не вошедших в выборку стран потенциально могут удовлетворять пороговым условиям Литва и Люксембург. Для них и “сомнительных” стран требуется более детальное исследование, чтобы точно определить, выполняются ли там пороговые условия для перехода к открытому доступу. Остальные страны, по которым имеются данные хотя бы по шести из семи рассматриваемых индексов, являются странами с порядком ограниченного доступа.

В статье используются реальные показатели, отражающие пороговые условия для перехода стран от ограниченного доступа к открытому, а также осуществлена классификация стран эмпирическими методами на основе этих показателей. Поэтому настоящее исследование может стать отправной точкой для более подробного изучения последствий экономической политики в контексте социальных порядков.

Однако стоит отметить и некоторые недостатки данной работы. Главной проблемой является подбор показателей, более точно отражающих пороговые условия для перехода стран от ограниченного доступа к открытому. Используемые индикаторы можно считать лишь замещающими переменными, поэтому дальнейший поиск наиболее подходящих показателей представляется целесообразным.

Также стоит отметить, что выполнение пороговых условий само по себе не означает, что страна осуществила действительный переход к открытому доступу, хотя и показывает возможность такого перехода. В связи с этим в качестве одного из направлений будущих исследований мы видим более тщательное изучение истории, политической и экономической системы и институтов стран, которые потенциально могут иметь порядок открытого доступа, поскольку в них выполняются все пороговые условия, с тем, чтобы определить, произошел ли переход.

Также представляет интерес определить, какие меры страны могут предпринять, чтобы способствовать переходу к открытому доступу. Более детального исследования заслуживает также вопрос о последствиях экономической политики в контексте социальных порядков ограниченного и открытого доступа.

Список литературы

Заостровцев А. П. История по Асемоглу – Робинсону: институты, развитие и пределы авторитарного роста // *Общественные науки и современность*. – 2014. – № 3. – С. 32-43.

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. *Насилие и социальные порядки // Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.

В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности [Текст] : докл. к XIII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 3–5 апр. 2012 г. / Д. Норт, Дж. Уоллис, С. Уэбб, Б. Вайнгаст; пер. с англ. М. Дондуковского и Е. Леонтьевой ; под науч. ред. А. Яковлева и Л. Полищука; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 48 с.

Плискевич Н.М. Возможности трансформации в России и концепция Норт–Уоллиса–Вайнгаста. Статья 1. Срывы модернизации вчера и сегодня // *Общественные науки и современность*. – 2013. – № 5. – С. 37–50.

Полтерович В. М. Трансплантация экономических институтов // *Экономическая наука современной России*. – 2001. – № 3.

Полтерович В.М., Попов В.В. Демократия и экономический рост // *Общественные науки и современность*. – 2007. – № 2. – С. 13–27.

Расков Д. Е. Новые интерпретации в экономической истории: обсуждение книги Д. Норты, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста «Насилие и социальные порядки // *Вестн. С.-Петербург. ун-та*. – Сер. 5. – 2012. – Вып. 1. – С. 199–202.

Шаститко А. Е. Отменить нельзя развивать // *Общественные науки и современность*. – 2012. – № 5. – С. 41–53.

Шумпетер Й. А. *Капитализм, социализм и демократия*. – М.: Экономика, 1995.

Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A. Reversal of Fortune: Geography and Institutions in the Making of the Modern World Income Distribution // *The Quarterly Journal of Economics*. – Vol. 117. – № 4. – 2002. – P. 1231–1294.

Acemoglu D., Robinson J. A. Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty // New York: Crown Pub. – 2012.

Van Bavel B., Ansink E., Van Besouw B. Understanding the economics of limited access orders: incentives, organizations and the chronology of developments // *Journal of Institutional Economics*. – 2017. – Т. 13. – №. 1. – P. 109–131.

Chaney E. Revolt on the Nile: Economic shocks, religion, and political power // *Econometrica*. – 2013. – Т. 81. – №. 5. – P. 2033–2053.

Dell M. The persistent effects of Peru's mining mita // *Econometrica*. – 2010. – Т. 78. – №. 6. – P. 1863–1903.

Grabowski R. Limited access states and elections: an unexpected economic consequence // *Evolutionary and Institutional Economics Review*. – 2017. – Т. 14. – №. 1. – С. 61–78.

Gray H. Access Orders and the 'New' New Institutional Economics of Development // *Development and Change*. – 2016. – Т. 47. – №. 1. – P. 51–75.

Hesse J. O. On the stability of open access orders: the Federal Republic of Germany since the 1960s // *Constitutional Political Economy*. – 2015. – Т. 26. – №. 1. – P. 87–102.

North D. C. et al. (ed.). In the shadow of violence: Politics, economics, and the problems of development. – Cambridge University Press, 2013.

Doing Business. URL: <http://www.doingbusiness.org/rankings>

<https://cran.r-project.org/web/packages/NbClust/NbClust.pdf>

The Fragile States Index. URL: <http://fsi.fundforpeace.org/>

The Worldwide Governance Indicators (WGI) project. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi>

WJP Rule of Law Index 2016. URL: <http://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index>

Institutional Economics

EMPIRICAL APPROACH TO THE COMPARATIVE ANALYSIS OF SOCIAL ORDERS

Anna Andreeva

Graduate student

Lomonosov Moscow State University,

Faculty of Economics

(Moscow, Russia)

Karina Ionkina

Graduate student

Lomonosov Moscow State University,

Faculty of Economics

(Moscow, Russia)

Tamriko Sanishvili

Graduate student

Lomonosov Moscow State University,

Faculty of Economics

(Moscow, Russia)

Abstract

This article presents the results of an empirical study of the characteristics of limited and open access social orders in terms of North, Wallis and Weingast. The first part of the paper identifies the main features of each type of social orders and provides a comparative analysis of them based on the doorstep conditions. Also, the connection between the theories of social orders and institutions according to Acemoglu and Robinson is considered and a brief overview of research developing the ideas of North, Wallis and Weingast is given. In the second part of the publication an empirical study of social orders is carried out through cluster analysis of international indices that are used as a proxy for the characteristics of social orders. As a result, the classification of countries is performed and those that meet the doorstep conditions for the transition to open access order are identified.

Key words: institutions, social orders, limited access order, open access order, international indices, cluster analysis.

JEL codes: B52, D02, O10, O57.

Приложение 1

Порядковые номера стран, включенных в выборку для кластеризации

№	Страна	№	Страна	№	Страна	№	Страна
1	Afghanistan	28	Czech Republic	55	Kenya	82	Russia
2	Albania	29	Denmark	56	Kyrgyzstan	83	Senegal
3	Antigua and Barbuda	30	Dominican Republic	57	Lebanon	84	Serbia
4	Argentina	31	Ecuador	58	Liberia	85	Sierra Leone
5	Australia	32	Egypt	59	Macedonia, FYR	86	Singapore
6	Austria	33	El Salvador	60	Madagascar	87	Slovenia
7	Bahamas	34	Estonia	61	Malawi	88	South Africa
8	Bangladesh	35	Ethiopia	62	Malaysia	89	Spain
9	Barbados	36	Finland	63	Mexico	90	Sri Lanka
10	Belarus	37	France	64	Moldova	91	Suriname
11	Belgium	38	Georgia	65	Mongolia	92	Sweden
12	Belize	39	Germany	66	Morocco	93	Tanzania
13	Bolivia	40	Ghana	67	Myanmar	94	Thailand
14	Bosnia and Herzegovina	41	Greece	68	Nepal	95	Trinidad and Tobago
15	Botswana	42	Grenada	69	Netherlands	96	Tunisia
16	Brazil	43	Guatemala	70	New Zealand	97	Turkey
17	Bulgaria	44	Guyana	71	Nicaragua	98	Uganda
18	Burkina Faso	45	Honduras	72	Nigeria	99	Ukraine
19	Cambodia	46	Hungary	73	Norway	100	United Arab Emirates
20	Cameroon	47	India	74	Pakistan	101	United Kingdom
21	Canada	48	Indonesia	75	Panama	102	United States

22	Chile	49	Iran	76	Peru	103	Uruguay
23	China	50	Italy	77	Philippines	104	Uzbekistan
24	Colombia	51	Jamaica	78	Poland	105	Venezuela
25	Costa Rica	52	Japan	79	Portugal	106	Vietnam
26	Cote d'Ivoire	53	Jordan	80	Republic of Korea	107	Zambia
27	Croatia	54	Kazakhstan	81	Romania	108	Zimbabwe